

Цзысан Яньшу не мог изгнать всю демоническую ци, но через раны на своём теле он смог вывести часть её, а затем рассеять с помощью своей духовной силы.

После этого Е Цзюньчэ замолчал, держа руку Цзысан Яньшу и наслаждаясь прохладным осенним ветерком у пруда.

Цзысан Яньшу, израненный, был очень сонным и уже через несколько слов снова начал засыпать. Е Цзюньчэ приказал слуге принести шезлонг и постелил на него мягкое одеяло.

Затем он одной рукой обнял Цзысан Яньшу за плечи, а другой подхватил под колени, аккуратно сняв его с перил. Цзысан Яньшу был послушен, оставаясь неподвижным и позволив Е Цзюньчэ уложить его на шезлонг.

Цзысан Яньшу был действительно измотан, и даже его рука, держащая Е Цзюньчэ, казалась бессильной.

На шезлонге Цзысан Яньшу, заснув, сбросил всю свою холодность. Если на перилах он казался ледяным и недоступным, то теперь он был мягким и умиротворённым.

Как ни посмотри, Цзысан Яньшу был поразительно красив, но не женственной красотой.

Его черты лица были выразительными, кожа белой, как нефрит, а под глазом была маленькая родинка, добавлявшая его холодной внешности нотку соблазна.

Глядя на него, Е Цзюньчэ не удержался и наклонился, чтобы мягко поцеловать его в губы. Это был лёгкий, едва заметный поцелуй.

Едва он собрался отойти, как на его плечо запрыгнул кролик:

— Негодник, что ты делаешь с моим хозяином?

Когда дело касалось Цзысан Яньшу, Мяомя мгновенно выходила из себя. Кролик мог быть ласковым, но в гневе он мог и поцарапать.

На этот раз она запрыгнула на спину Е Цзюньчэ и уже готовилась ударить его лапой.

— Мяомя, слезай, я ничего плохого не сделал. — Е Цзюньчэ попытался снять кролика, но та была слишком проворной, и он не мог её поймать.

— Негодник, я всё видела! У тебя дурные намерения к моему хозяину! — Кролик злобно царапал Е Цзюньчэ, оставляя на его шее несколько красных следов, из которых сочилась кровь.

Цзин Цянь тоже пытался снять Мяомяо с Е Цзюньчэ, но кролик был слишком быстрым.

Цзысан Яньшу, разбуженный шумом, был крайне недоволен.

Он протянул руку и схватил кролика за загривок, сняв его с Е Цзюньчэ, и нахмурился:

— Кто тебе позволил царапать Ачэ?

Кролик протестовал, болтая лапами в воздухе:

— Хозяин, он тебя обижает! С тех пор, как ты встретил этого человека, с тобой только и случаются неприятности. Теперь ты ранен, а он всё ещё тебя обижает. Он негодник!

Оказывается, не только птицы могут шуметь, но и кролики могут быть неугомонными.

Хотя Цзысан Яньшу понимал, что Мяомяо защищает его, шум в его ушах и без того был невыносимым, и голос кролика только усиливал раздражение.

У него не было сил держать кролика, поэтому он просто бросил его в руки Цзин Цяню:

— Убери этого кролика подальше, он слишком шумный.

Любой мог заметить, что состояние Цзысан Яньшу было не лучшим. Мяомяо, глядя на Е Цзюньчэ, была полна негодования.

Тогда Цзысан Яньшу спросил:

— Ты помнишь, что я говорил в Гуйсюне?

Мяомяо мгновенно вспомнила события в Гуйсюне. Тогда она просто холодно отозвалась о Е Цзюньчэ, выразив своё недовольство, и чуть не была изгнана Цзысан Яньшу.

Вспомнив это, Мяомяо опустила длинные уши, а её красные глаза больше не смотрели на Е Цзюньчэ с гневом. Она лишь уцепилась за одежду Цзин Цяня, не смея больше двигаться.

Когда Мяомяо успокоилась, Цзысан Яньшу потёр виски, чувствуя сильную головную боль, и с досадой сказал:

— Я просто хотел найти тихое место, чтобы отдохнуть, а вы не можете успокоиться.

Он говорил не только о Мяомяо, но и о двух других, которые шумели неподалёку.

Шисы и Тин Юэ с самого утра устроили перепалку.

Когда Е Цзюньчэ проходил мимо их комнаты, он уже слышал их крики, а теперь они начали драться, и шум был настолько громким, что его было слышно даже через два двора.

Обычные люди могли бы не заметить, но слух Цзысан Яньшу был острым, и он слышал всё отчётливо.

Шум становился всё громче, и слуги собрались у их двора, но никто не решался войти и разнять их, так как драка была слишком яростной, и можно было легко пострадать.

Голова Цзысан Яньшу гудела от шума, и он, увидев Мяомяо в руках Цзин Цяня, сказал ей:

— Раз уж ты здесь, позови Шисы.

Уши кролика были очень чуткими, и услышав звуки драки, он сразу же спрятался в объятиях Цзин Цяня, жалобно сказав Цзысан Яньшу:

— Хозяин, молодой наследник сейчас в ярости, а Тин Юэ ещё злее. Я не смогу справиться с ними обоими.

Кролик, хотя и был обычно бойким, в этой ситуации понял, что лучше не лезть.

Цзысан Яньшу не стал настаивать. Он потёр лицо, чтобы взбодриться, и решил, что раз уж спать не получается, то просто откинулся на шезлонге и жестом связал Шисы и Тин Юэ, приведя их к себе.

Оказавшись перед Цзысан Яньшу, Шисы выглядел растерянным, а увидев усталый взгляд Цзысан Яньшу, полный раздражения, он даже слегка оробел.

На лицах обоих были следы драки, но, будучи практикующими, они использовали только кулаки, не прибегая к духовной силе. Учитывая навыки Шисы, он мог бы легко справиться с Тин Юэ, но, судя по всему, на этот раз он сдерживался, что было необычно.

Цзысан Яньшу, глядя на их раны, с лёгким удивлением сказал:

— Шисы сдерживался? После возвращения с Южного моря ты стал другим.

Тин Юэ, имея неприятные воспоминания о Цзысан Яньшу, инстинктивно спрятался за Е Цзюньчэ.

Этот жест не ускользнул от внимания Цзысан Яньшу, и он, подняв бровь, посмотрел на Тин Юэ:

— Ты нарушил мой покой, и думаешь, что, спрятавшись за своего старшего брата, останешься в безопасности?

Перед Цзысан Яньшу Шисы вёл себя смиренно, не смея кричать.

Однако Тин Юэ был полон обиды и негодования.

Несколько раз он открывал рот, но ничего не мог сказать, и его лицо покраснело от сдерживаемых эмоций.

Видя его растерянность, Цзысан Яньшу потерял терпение и лениво сказал:

— Шисы всегда был дерзким, и никто в трёх мирах не мог его обуздать. Я хотел помочь тебе, но раз ты не можешь сказать, что случилось, то забудем об этом.

— Все вы заодно, говорите красивые слова.

Тин Юэ, кипя от гнева на Шисы, а также на Цзысан Яньшу, который был его старшим братом, не мог сдержать своих эмоций.

Цзысан Яньшу, у которого гудела голова от шума, не хотел смотреть на их хмурые лица.

Он опёрся на руку и, глядя на Е Цзюньчэ, сказал:

— Ачэ, отправь их подальше драться. Они уже не дети, пусть разбираются сами.

Тут же Тин Юэ схватил Е Цзюньчэ за рукав и жалобно сказал:

— Старший брат, я хочу вернуться на гору Линмин. Этот дракон, он...

Он не мог продолжать, глядя на Шисы с таким гневом, что, казалось, готов был откусить кусок его плоти.

Шисы, вопреки ожиданиям, не стал с ним спорить.

Услышав такие слова, он лишь усмехнулся и с ухмылкой ответил:

— Этот дракон? Что с этим драконом? Разве вчерашнее было только моей виной? Ты тоже не без греха. Мужчина, а ведёшь себя, как девочка. Не знаю, как твой старший брат терпит тебя на горе Линмин.

Е Цзюньчэ хотел успокоить Тин Юэ и узнать, что случилось.